

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 5, No. 3, pp. 191-207, 2014

DOI: 10.13187/issn.2408-9621
www.ejournal16.com

UDC 929/947.0

An Interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova

Conducting the interview; preparing the material for publication

¹ Evgeny F. Krinko

² Tatiana P. Khlynina

¹ Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

The interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova was dedicated to issues related to her military biography and private life during World War II. At the front, she met her father and future husband.

Keywords: N.F. Reznikova; World War II; family history; private life.

Интервью с Надеждой Федоровной Резниковой (1921–2014) проводилось 10 января 2013 г. в г. Майкопе, на квартире респондента. При проведении интервью присутствовали сиделка и невестка. Продолжительность интервью составила 122 минуты. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, расшифровка Т.П. Хлыниной. Вопросы интервьюеров выделены полужирным шрифтом. Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках курсивом.

Надежда Федоровна, где Вы родились?

Родилась в Казахстане, в северной части его. Кустанайская область, село Федоровка, там я совсем маленькая была...

А родители кем были?

...это мы оттуда уехали. Ну, а они – в селе Аральском, это тоже Казахстан, но более глубоко, чем северная часть. Мама с папой – учителя, я вообще такого происхождения, у меня дедушка был священником, Алексей Григорьевич...

А фамилия?

Сотников. Вот, у меня на фотографии есть [*показывает фотокарточку из домашнего альбома*]. Вот, и бабушка, Мария Григорьевна. Он рано умер, потому что мы сюда тогда на

Кубань приехали, здесь, уж я не знаю, с чем это было связано. Вот, но мы в Казахстане были аж до Семипалатинска, и в Семипалатинске жили, так, что мне трудно сказать, как. Но это по маме сужу и папе, что они как-то прижились там, а нас очень хорошо казахи, киргизы встречали.

А как и почему в Казахстане семья оказалась?

Ну, вот, бабушка с бабушкой, я не знаю, почему они оказались там.

И Вы жили все вместе? И бабушка, и бабушка, и Вы с родителями?

Да.

В одном доме?

В одном доме.

У Вас свой был дом?

Ну, нет, послушайте меня. Я родилась в 1921 году. И в этом году холера бушевала. Дедушка ходил и отпевал умерших. Вот тогда эти священники, духовенство, содержалось на приношениях прихожан. Она говорит: «Это было самое для меня тяжелое время», – бабушка. Она с нами прожила, она тридцати лет осталась без мужа, и всю жизнь посвятила нам, Мария Григорьевна Сотникова. Она была сиротой, когда он на ней женился. Как это там складывалось, мне трудно судить, я еще тогда была совсем маленькая. Вот, знаю, что бабушка иногда нас возила... в село, забыла, какое. Там дед этот, бабушкин брат тоже был священником. Но там во время этой холеры ходил, отпевал людей и заразился, и умер. Но дело-то в том, что он вот заразился и умер. Уж такие меры предосторожности – он не принимал никаких, а в семье никто не заразился. Вот.

В школу Вы там же пошли? Или когда переехали?

Немножко училась в Аральске.

А в каком году? В каком году переехали потом?

Этого я не помню.

В 1920–1930-е годы?

Ну... в 1920-е годы, конечно.

А куда переехали?

Мы переехали и попали на Кубань.

А в какой населенный пункт?

Подождите. Значит, папа тогда там работал в станице Махошевской...

Это уже здесь, недалеко.

Это Краснодарский край. Значит, мы сюда попали. Вот, и он был директором школы, мама была завучем в школе. Вот, а школа колхозной молодежи, называлась ШКМ. Я там, все-таки, наверное, училась до 3–4 классов, что я помню очень плохо. Вот, а потом, когда мы уехали на Кубань, хотелось нашим в тепле пожить, в русском населении, с русскими, и они уехали на Кубань. А здесь такие плавни были, что комары заедали по весне, и очень мы болели все тропической малярией. И я, в том числе, и бабушка слегли, и на вокзале в Сальске, это Ростовская область, потом, понятно [стала], нет, в Тихорецке бабушку положили даже в больницу...

Это по пути, когда ехали, слегли?

По пути, ехали сюда. Вот, а потом, значит, она все боялась, что мама с папой ее оставят. Там это что! Папа очень нежно относился к собственной матери, Марии Григорьевне Сотниковой. Вот, и, конечно, как-то там получилось сообщение оттуда, он поехал, и мы оказались в [поселке] Целине Ростовской области. И из-за того, что мы уже какое-то такое время [пробыли], трудно было в Казахстан ехать назад. Там родина, по сути дела, вот. И папа здесь работал в Целинском районе сначала...

Тоже в школе?

В школе, директором был школы колхозной молодежи.

А Вы учились там же?

Я не училась, я сейчас расскажу. Мой, значит, папа работал. Приезжали сюда уже при моей памяти оттуда, чтобы школе дать, повесить мемориальную доску: «Возведена Федором Созонтовичем Крючковым». Но потом, я не знаю, мы потеряли эту связь. А я, в силу того, что, видимо, три или четыре класса закончила здесь, а тут была только начальная, меня устроили в Сальске к знакомой учительнице. И я училась до десятого класса отдельно от родных.

В Сальске?

В Сальске Ростовской области. Только ко мне они приезжали, а я к ним, и все. А так я одна училась. Начальную школу я, видимо, закончила там, где папа директором был, ШКМ – школу колхозной молодежи. Это были духоборо-молоканские массивы, протестантская вера. Вот, откуда они взялись – я не знаю. Там были очень строгие законы, благожелательность большая, честность, благородство. Но советскую власть они...

Не жаловали?

Не жаловали, не жаловали, я так думаю. Но папа с мамой, когда приехали, организовывали там школы. Он перезнакомился со многими и оттуда, там населенные пункты были расположены в 3–4 километрах друг от друга. Вот эти духоборо-молоканские массивы. Так вот, он обошел эти все населенные пункты, в школу набирали там [детей], организовывал все это папа. И они там арку такую установили в населенном пункте, у которого очень красивое название – Хлебодарное. Потом было Хлеборобное, это позже, потом Ольшанка, понимаете, все как-то вот так. Я это мало как-то знаю – населенные пункты, но я знаю, что папа школу в Хлебодарном организовал, и из соседних поселков приходили в школу дети. Я знаю: в самом Хлебодарном папу за квартал увидят – мужчины шляпы снимают. Детишки там устраивались к кому-нибудь на дом. Так мама с папой вечерами, там снег, степи сальские, и заносилось все снегами по самые трубы. И ребятки здесь были на квартирах. Так они, чтобы видеть, как дети учатся, что по вечерам делают, брали фонарик керосиновый и подходили к какой-то хатке. Там обязательно какая-то дорожка была, и они буквально на бугорок снежный забирались, садились и съезжали прямо в хату среди снежных холмиков. Их там встречали, они смотрели, чем ребятки занимаются. Одним словом, к ним там было довольно легендарное отношение. Они держали с ним связи, да, вот, до Майкопа. Например, Николай Сергеевич Сахнов – он работал одно время в МТС, село Красногвардейское, здесь. И он, значит, узнал, что папа здесь и его навестил. Если бы Вы видели эту встречу [плачет] папы с его бывшими учениками! Талантливые были дети, очень организованные, неразбалованные, чувствовалась дисциплинка там. Да...

Фото 1. Н.Ф. Крючкова (Резникова) с отцом Ф.С. Крючковым

А родители были коммунистами?

Нет. Я Вам скажу, как сложилась судьба. Мама – она закончила епархиальное училище. Еще...

В Казахстане?

Нет, не в Казахстане. Я не знаю, где она его оканчивала. Но епархиальное училище. Папа был священник, дедушка был священником и епархиальное училище, школа благородных девиц, как-то там, я не знаю. Не помню, вот. И мы увидели после ее смерти дневник: «Как трудно перестраивать свое мировоззрение».

Мама писала?

Мама писала. Ну, а потом она настоящим преподавателем стала. Здесь она заняла ведущее положение. У нее была удивительная способность. Она начинала говорить, у нее в классе была мертвая тишина. Никаких не было там разговорчиков туда-сюда. Тишина была, они слушали, открыв рты. И вот этот Николай Сергеевич Сахнов, его бывший ученик приезжал. И...

Вам трудно говорить. Разволновали мы Вас.

Это одноклассник, ничего, его одноклассник. В школе он учился и отыскал здесь его, и приезжали они, часто виделись. Но я уже была замужем, взрослый человек, закончила в Сальске железнодорожную школу, а полгода десятого класса заканчивала в Целине. Видите, я была очень оторвана от семьи, вот.

Надежда Федоровна, а Вы были единственным ребенком в семье или у Вас были братья и сестры?

Значит, так. У нас была очень большая семья. Мама родила нас десять человек. Никаких аборт не было, это считалось...

Греховным?

Грехом, греховным. Вот, и она даже ходила к врачу, говорила: «Что такое, я не знаю, что делать? – У Вас так на роду написано, у Вас ничего не изменишь». Она вот, Верочка была первая, она умерла, это я не знаю. Вторая была я, в 1921 году [родилась], здесь на Кубани. Не помню, где мы тогда жили. Значит, родилась и, дедушка, значит, [когда] здесь была холера, умер, а бабушка и вся семья остались живы. У нас еще был брат после меня, Женя, он тоже умер, а все остальные живы. Когда мы уходили на фронт: папа, я, брат – добровольцами... Папа уже был, он повестку через военкомат не получал и говорит: «Ну, я – русский человек, я не могу не защищать русскую землю». Так он говорил.

Вы учились в институте перед войной?

Училась в Ростовском педагогическом...

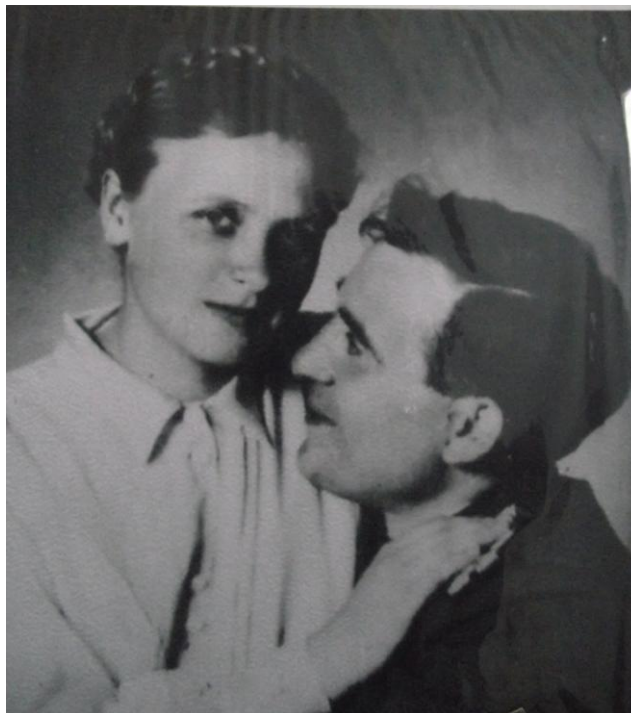

Фото 2. Н.Ф. и П.Е. Резниковы

Окончили школу и поехали учиться?

Нет. Там, значит, так было. Папа ушел на фронт, а я ушла в 1942 году, в июле, когда немецкие войска к нам подходили. Ну, я – комсомолия была, конечно. Вот, значит, и я за полгода, полгода училась в Целине. Нас очень помнят в Целине до сих пор, нашу семью. Это удивительно, наши там прикипели, так и жили. А я начала учиться, но от такой семьи, когда мама осталась одна с такой семьей и бабушка, то надо было помогать, работать, и я ушла и стала работать. В 5–7 классах преподавала русский язык и литературу, мама писала мне планы, сидела со мной, готовила уроки, а я потом шла в школу. И так мы побыли до 1942 года вместе, а когда нас начали бомбить сильно, это железнодорожная станция была, и в Целине была авиаэскадрилья. Нас сильно бомбили и я, чтобы сохранить семью, увезла их в село Лопанка [*Целинского района*]. И вот к этому сторожу школы, который взял, Иван Григорьевич Шевченко, у него тоже было много детей, и он говорит нам: «Ну, где Вы будете [*искать*] пристанище с такой семьей, давайте ко мне». И, значит, они там жили, а в это время меня вызвали в горком комсомола и говорят: «Вы будете работать в газете». Я говорю: «Я не знаю, что там делать. – Научитесь».

Горком какой – Сальский?

Это в Целине, поселок Целина. Горком комсомола или как он там назывался, я не знаю. Там был райком партии, значит, райком комсомола, видимо. Вот, и говорят: «Будете работать в газете». «Сталинское знамя» [1] она называлась. Я пришла туда, не знаю, с чего начать и как, о чем. Ну, меня послали в первую командировку, а я и сельхозмашины не знала, как следует-то. В колхоз поехала в командировку, там готовятся к весне. Приехала туда, и меня водили, показывали, но я ничего не запомнила. Думаю, что ж я буду делать. А там была очень хорошая председатель колхоза Ирина Николаевна Никульшина. Я ее запомнила, потому что она меня взяла к себе на ночь, и я первое, что увидела – огромный портрет Алексея Максимовича Горького, а рядом стоял посылочный ящик. Говорю: «Что это такое, Ирина Николаевна?». А она говорит: «Мы переписываемся с Алексеем Максимовичем. Когда устанавливали здесь колхозы, мы познакомились с ним». Недалеко от Целины был совхоз «Сеятель», и там познакомились. Из-за того, что там организовывали первое советское хозяйство, так называемые кулаки ее подняли на вилы, на сенокосе. Это было при Алексее Николаевиче... Вот, уже забываю даже отчество Горького, Алексея Максимовича Горького. Вот, и он действительно писал об этом, там в каком-то журнале, я помню. Но до меня это все, как до журналиста, не доходило – какая это ответственность, какие люди! Это случайно как-то все само. Ну, и, значит, мы потом долго с ней переписывались, до войны я бывала у нее. Это была патриотка настоящая. Она устанавливала советскую власть в совхозе «Сеятель». И она жила до последнего времени в Ростове, туда родные переехали ее, и она там жила у детей своих. Но теперь ее, наверное, уже нет в живых. Это было, наверное, лет 15 тому назад, когда я с ними уже не была, [*даже*] больше. И эта семья мне запомнилась по портрету Алексея Максимовича Горького и ее переписка. И чтобы мне взять – они не хранили эти письма – хоть одно письмо! Взять там что-то. У меня в голову, как журналисту, так сказать, газетчику [*это не пришло*]. Я тогда себя этим не значила. Меня туда послали и все.

Вот, посадили меня туда, как грамотную, в Целине, перед тем, как немцы пришли, в кабинет какой-то. У нас на поселок Целина оставался один приемник, я по ночам принимала сводку Советского Информбюро, а ко мне по утрам заходил замполит эскадрильи и брал эту сводку для своей эскадрильи. И вот он повлиял на меня очень, вот, когда это чувствовалось, что движутся успешно немецкие войска. Мы-то были воспитаны так, что этого не случится, а на самом деле мы уже канонаду слышали. Я об этом немножко пишу, поэтому я Вам даю, там у меня короткие есть замашки [*речь о книге автобиографической прозы «Ветка сирени»*]. Вот, он пришел, значит, и говорит: «Мы сегодня вылетаем. Немецкие войска близко. Но я настолько загружен! Я бы Вас с собой взял, но я не знаю и сам». Темное лицо такое. Он примерно папиного возраста был уже, пожилой человек, и говорит: «Я Вам советую, уходите с частями Советской армии. Я бы Вас с собой взял, но самолет перегружен. Не могу я рисковать Вами. Но я Вам помогу с проходящими частями связаться, и если Вы решите, то отходите с ними».

Я, значит, оставалась тогда в поселке Целина одна, мама с папой в селе Лопанка с детьми со всеми, потому что там не бомбили. И я, значит, действительно, когда слышим

канонаду, я видела ночью, перед тем, как я решила, что буду отступать с Советской, с Красной армией, как тогда называлась... И, значит, почему я так, надо ниточку поймать... Ну, вот, я рано-рано утром шла по поселку Целина с еще одной нашей сотрудницей газеты, она машинисткой была, Клава Похова. Я о ней немножко там упоминаю [в книге]. К ним бежала. Раннее утро, но луница огромная такая, светлая, и где-то громыкает уже канонада, слышно. Жутко! Вот, собаки мне запомнились, они сидели возле своих домов, смотрели на луну, подняв морды, вытянув, и страшно выли. Вот, говорят, что они чувствуют беду, я была свидетельницей этому. Они выли! И я забежала за Клавой, и рано утром политрук зашел за мной, мы с ним распрощались, и он устроил нас в проходящий медсанбат. Эвакопункт он был, эвакопункт. Медсанбат, туда на какой-то обоз лошадиный и там лежало по два раненых на каждой повозке. Вот, и мы туда попали и отступали с этими частями до [Северной] Осетии. Да... и я оторванной оказалась от такой большой семьи, а папа тоже отступал с частями Советской, Красной армии. И где он, что он – я не знала.

Папа не уехал с мамой и семьей в Лопанку?

Нет, папа уже из Целины мобилизован. Не мобилизован, а просто сам ушел на фронт.

Он еще в 1941 году ушел?

В 1941 году.

Там оставались все остальные дети, мама и бабушка?

Да, мама, бабушка и целая семья.

А Вы одна?

А я одна была в Целине. Но такой был у нас [порядок]. Я по ночам же работала, принимала сводку, шла... У нас, мы так: подопрем дверь колом, каким-нибудь тяжелым бревном и все, это весь замок был. У нас, собственно, и брать нечего было. У нас было единственное что – большая библиотека [небольшой перерыв, вошедшая сиделка предложила Н.Ф. Резниковой выпить чаю, чтобы отдохнуть]...

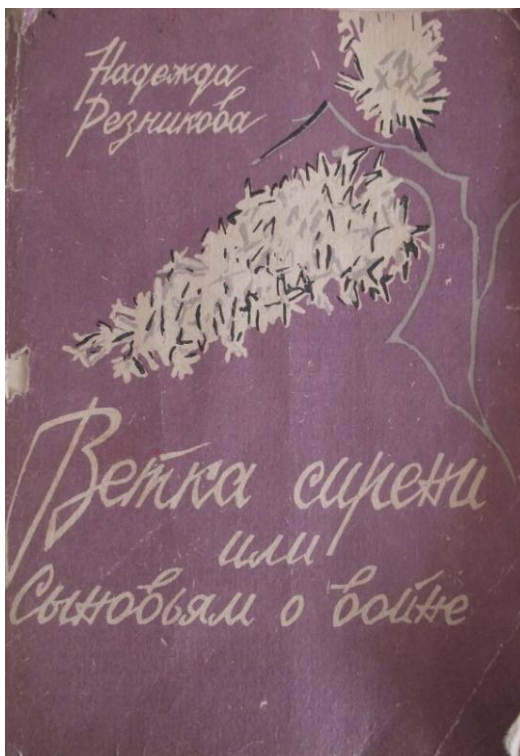

Фото 3. Обложка книги Н.Ф. Резниковой «Ветка сирени или Сыновьям о войне»

...Осталась без большой семьи и без папы, одна, и тут-то меня осенило. И тут меня осенило: раненых много, идет, поступает много. Осетия нас очень по-братски приняла. Она устроила нам в школе место. И мы были отрезаны, между прочим, от основной части. Она нам отары овец подгоняла, у нас было до двухсот человек раненых. И кто я? Я никто [смеется]. В медсанбате – кто я? Ни медик, ни, как следует, не учитель. Я потом

заканчивала учительский [институт], и дальше у меня уже не пошло: семья и все. И, значит, одна. И тут-то я задумалась, когда увидела, сколько и как страдают раненые, что в таком состоянии они не знают, где родные, как у них сложилась судьба. И я думаю: а кто ж я? И у нас был очень тяжелораненый, я должна вспомнить: Макаренко, имя, отчество не помню. И меня посадили, как санитарочку, он был ранен в живот – вот, я ему помогала. Он очень ко мне хорошо относился. Когда нас немцы подперли, как следует, со стороны [села] Чиколы [2], танковые части, и говорят, вот-вот зайдут в Алагир, в то время мы были в Осетии. И значит, мы со своими повозками и ранеными перебрались в этот Садон [3]. Так вот, этот Макаренко с нами был. Потому что он тяжелый был, мы его транспортировать никуда не могли и оставить не могли. Он был, наверное, комсостав, по-моему. Не знаю уж, какого он звания. Одним словом, он говорит: «Я Вас прошу: напишите письмо моей жене. Моя семья эвакуирована в Армению, в город Ленинакан [4]. И сообщите, что я живой. Потому что, мне, когда сюда отвозили, говорят: “Вас уже зачислили в смертники, умершие”». И я написала туда письмо. Написала, а потом тут же наши... И я думала, а что со мной будет? Ну, положим, а как я буду искать родных: где они, что с ними стало? Они оставались в Целине, под немцами. И папы нет. Такая большая семья и вдруг никого нет! И тут я получаю письмо, перед самым отъездом из Садона: «Дорогая дочка...». От этой женщины, жены Макаренко: «Ты войдешь в наш дом, как родная [плачет]. Если приедешь, если у тебя случится что-нибудь непоправимое, не найдешь родных, приезжай к нам. У меня две дочки». А я написала, что мы раненых все-таки смогли эвакуировать в Баку. Значит, ослики, по Военно-Грузинской дороге, носилки привязывались к одному и другому ослику, там и там. И на них лежачих раненых устраивали, и они, значит, отправлялись в Баку.

Это осенью отправлялись?

Сейчас я Вам скажу...

Зимой, наверное, дорога закрыта была?

Подождите. Ну, почему он так сказал? То ли дожди были осенние. Он говорит: «Там такая ужасная дорога, что завалы». И папа попал, потом мы узнали, в саперный батальон. И был, как раз, когда я его отыскала в горах, он оказался в нашей армии. Это было легче отыскать. Поэтому, когда я 25 километров из Садона через Садонский перевал шла в аулы Дунта и Камунта [5], то туда отправлялись из-под Нальчика окруженные наши части, те, кто прорывались. Один из раненых говорит: «Слушай, девочка, – когда я их там организовывала, – ты не из Целины?». Я говорю: «Из Целины». «А Федора Созонтовича знаешь?». Я говорю: «Это мой папа. А где он?». «Батальон 1605». Кажется.

Фото 4. Удостоверение члена Союза журналистов России

Саперный?

Саперный. Вот, он попал туда. «Жив ли он или не жив, я не знаю». Так сказал, и когда я написала этой женщине в Ленинакан, от Макаренко, что так и так, вроде не знаю, что с папой. Так вот, она написала мне в ответ, что ты нам, как родная. Столько этих писем было, но в Вознесенске нас разбомбили, у меня был баульчик небольшой, там лежали письма от раненых, от родных, и все это разнесло, очень жалко.

А раненые Вам писали?

Конечно.

Писали, да?

Писали, я же уже в медсанбате была.

А Вас на какую должность приняли в медсанбате?

Санитаркой. Санитаркой сначала, а потом меня сделали регистратором. Какое-то время я ж успела учиться латыни. В школе у нас была Фрида Григорьевна, фамилию я не помню. Немка она. Она, когда немцы стали приближаться, уехала с девочкой, по-моему. И я все-таки успела в учительском институте [*поучиться*]: латынь у нас преподавал пожилой человек – седой, белоголовый, очень хорошо преподавал латынь. Я даже, когда уезжала из школы, у меня почему-то в аттестате записано было: «Склонна к литературе и немецкому языку». Почему-то я его запоминала. Я даже могла, сейчас уже, наверное, не могу, глаза плохо видят, но отдельные слова – все запоминала. Поэтому меня посадили санитаркой в медсанбате на регистратуру. Потому что там иногда встречались рецепты: tetonas – я уже знала, что это столбняк. Понимаете, им это было важно, и написать это самое – все это я могла, понимаете?

А номер медсанбата не помните?

99-й. Он сначала эвакупункт [*был*]. У нас несчастная судьба была, у нашей армии. Она в составе была...

Это какая армия?

Сейчас, 37-я.

37-я, Козлова?

Нет, Власова [6].

Фото 5. Удостоверение Почетного гражданина Шовгеновского района

Да, сначала Власова.

Власова, знаменитая. И когда говорят, я до сих пор, как следует, не знаю, было одно время – что предатель, другой раз – что не предатель. Вроде бы она сдавалась немцам. И наши – те, кто остались в армии, [*говорили, что*] эта 37-я армия – сохранившая знамя армия, только это позволило ей легализоваться. Часть, которая теряла знамя, расформировывалась. Вот, а мы остались. Там есть [*имеет в виду книгу*]. Сначала 99-й головной полевой эвакупункт, потом просто медсанбат. И эту армию перебрасывали, как хотели, куда хотели. Потому что были мы, как Вам сказать, уже не такими сплоченными, кадровыми, как другие армии, которые сохранили свое и командование, и знамена там, и все. А у нас ничего тогда не осталось, как я потом выяснила, и нас туда-сюда перебрасывали. И мы в составе потом 3-го Украинского фронта оказались. Мы были на Закавказском, Северо-Кавказском, 3-м Украинском, Степном... Четыре или пять, там написано, я не помню уже, фронтов. Поэтому, когда я кинулась, у меня ж никаких документов, ничего нет. Я вот так пришла, и меня туда-сюда мотали. Ну а потом, когда запросили, меня в медсанбате нашем приняли кандидатом в члены партии. И вот, по ГлавПУР РККА меня отыскивали, в какой я части по-настоящему была и т.д. Я-то этому тогда не придавала значения! У меня муж, вот он [*показывает фотокарточку*], Павел Ефимович Резников – десять лет он

беспризорничал при родных маме и папе. И когда там начал ухаживать – то, се. Он был женат, но он дважды развелся с ней и ушел в армию. Как бы...

Перед войной развелся еще?

Перед войной. Он дважды развелся. Он был человек, познавший ночлежки, понимаете, всякие подвалы и так далее, когда беспризорничал.

А как Вы с ним познакомились?

Уже в армии, подождите.

Он раненый тоже был или как это случилось?

Нет, я Вам сейчас расскажу. Он был военным корреспондентом армейской газеты «Советский патриот». И как-то мы готовили трехлетие нашего полевого эвакуационного пункта. Меня вызвала начмедчасти [7] Бэлла Мироновна Мазуровская и говорит: «Наденька, ну, давай подумаем, доченька, как надо сделать. Надо что-то вроде литмонтажа». А я думаю: «Боже мой!». Я, в общем, как-то не очень готова была ко всему этому. Но я что-то все-таки написала. И вот, это было в Садоне, когда познакомились. Когда я подала ей свою писанину, в это время военный журналист Павел Резников был в частях – и к нам. Как всегда, заглянул в наш медсанбат. Они все были друзьями, вот. Бэлла Мироновна говорит: «Ну-ка посмотри, что тут девочка наша написала». Он посмотрел: «А мне здесь делать нечего». Вроде бы так сказал. «Ну-ка, давайте я посмотрю». На девять лет был старше меня. «Ну-ка, я здесь посмотрю, как они там готовятся». А я с девочками поговорила, как они помнят, как они отступали, как сейчас наступают. Они были, в основном, медсанбат был, в основном, сформирован, я так поняла, на Западной Украине. Вот, там, где Тамбовщина, там, и т.д. И вот это все вспоминали, как отступали, как их бомбили, как они выжили, все. У меня был тогда каллиграфический почерк, и меня, значит, когда надо было, [использовали], сейчас я не могу писать этой рукой совсем ничего, две первые буквы напишу, дальше точки, только точки. Ну и, значит... [разволновалась].

Сейчас, возьму себя в руки... Да, и говорит: «Ну-ка, посмотри, что тут». Он говорит: «Давайте, я посмотрю». Посмотрел, потом: «Ну-ка, что Вы там приготовили?». И мы показали. Ну, каждый рассказал. Мы взяли, единственное наше было, со сцены, значит, шагали наши солдаты вроде бы, кричалась советская какая-то песня военная. И девочки на этом фоне выходили и говорили. Но ведущий этого литмонтажа говорит: «Вы останетесь. А здесь, извините, придется многих поменять». Он с режиссурой был знаком каким-то образом, народным театром руководил в свое время: «Ну-ка, вставайте, – ведущий, – а все остальные...». Все нам там перекроил. Я, конечно, расстроилась и говорю: «Мне даже перед девочками неловко». В основном-то девочки были в медсанбатах. «Как же быть?». Он: «Ничего, я сам с ними разберусь». Но вроде бы он удался, этот литмонтаж, с его помощью. И когда я сходила, там сценки делали. Мне, я сходила с трибуны, начали аплодировать. В каком-то амбаре это все организовали. По обе стороны лежали раненые, а потом наши сидели там, медсанбатовцы. У нас мало мужчин было, в основном это водители, их было человек шесть, и санитары хирургического отделения, потому что там надо было выносить. Я один раз там была: остова, части человеческого тела. Я схватила одну ногу, думаю: «Ну что я, не понесу ногу». И вдвое согнулась. Такая тяжелая нога оказалась, мне показалось.

Ну, так вот, с тех пор мы и были знакомы. Я стала сходить. Это же в 1943 году. Да, в 1943. Меня [вызывают]: «Автора! Автора! Автора!». Начали аплодировать, и я снова вернулась сюда. А тут приехали начсаншколы [8], там, хирург Каде. Приехали и повтор, члены Военного совета, в том числе генерал-майор Сосновиков Владимир Васильевич, пожилой очень человек, старше моего папы. И я, когда сходила, он сказал: «Ну-ка, идите сюда». Я подошла, они так за столом стали раздвигать местечко, чтобы я рядом уселась. А я вижу, что им трудно это сделать, всем хотелось посидеть с генералом рядом. Я говорю: «Извините, у меня здесь папа». Я к этому времени папу нашла и забрала в медсанбат благодаря Николаю Николаевичу Метельскому – первому начальнику медсанбата нашего, которого я запомнила. Очень красивый военврач 1-го ранга, тогда еще кубики носили. Так вот...

Вы сказали, что потом папу забрали к себе, в медсанбат...

Так вот, я его забрала. Тут есть тоже [в книге]. Там так было. Да, и таким образом этот член Военного совета, когда какие-нибудь случались мероприятия, меня почему-то

[направлял]. Я откровенно, искренне говорила то, что видела, то, что знала. И меня на всякие мероприятия начали выталкивать. Ну и значит, [про] Садон же я Вам расскажу. Я возвращаюсь, Вам легче будет ориентироваться, потому, что я сейчас многого не помню. Надо же, 90 лет мне приехали отмечать шовгеновцы, аул Шовгеновский здесь есть [9]. Приехали те, кому я нашла Героя Советского Союза Хусена Андрухаева. А я его так начала искать, потому что передовую статью в «Правде» читала и написано: «Герой Советского Союза Андрухаев Хусен Борежевич, адыгеец». И все. И больше никаких там данных. Вот видите, как все вверх ногами летит. Одним словом, вот таким образом я с Павлом Ефимовичем познакомилась. Он меня на прицеле держал все время и однажды сказал: «Вы, наверное, будете моей женой». А я: «Кончится война, увидим».

А что значит: «На прицеле держал»? Он с Вами встречался, писал Вам письма?

Ничего не встречался. А что встречаться, когда он приезжал в командировку, уезжал и все. Там же это строго было. Ну, вот. Я посмотрела: он показался мне немножко сумасшедшим. Думаю, чего это он тут мне, рядовой девчонке-санитарке, такие вещи говорит? Это несерьезно.

Он Вам не понравился?

Я даже не скажу. Мне было неловко. Николай Николаевич Метельский подошел к нему, когда он был у них в командировке в медсанбате, и говорит: «Слушай, Павлик, пойдем, посмотрим, как у меня одна девочка пишет». У меня каллиграфический почерк был в свое время. И они подошли, он посмотрел: «Это Вы так пишете?». Я говорю: «Да». Вот и все! Это и было первое знакомство. А потом, когда в 1943 году приезжают к нам из политотдела армии два майора Усанов и Свистунов. Они искали человека с красивым почерком для оформления документов политсостава, который поступал к ним. В 1943 году, начиная с этого, меня начали, почему-то заметили, и, значит, начали вызывать на всякие эти мероприятия. Причем, если Вы бы знали, как я волновалась! Это у меня было с детства. Я всегда, и в школе – вызовут отвечать, а я вся как на электрическом стуле! Даже в институте. Я сначала сдавала [экзамены] в девятом классе, а затем в десятом. У меня в девятом классе: я все на «пять» сдала и выходила, и все бросались ко мне: почему я в слезах? А посмотрят, там пятерки. «Да у тебя ж пятерка, что ты волновалась!». Не знаю, вот такая вот была вся, ступок электроэнергии.

О папе. Я все-таки вернусь к Садону. И вот, когда мне назвали часть – раненый назвал часть, в которой они с папой были, 1605 там, кажется, батальон – я начала искать. А оказалось, я потом узнала, что это мы в одной армии. Когда в одной армии, легче отыскивать. Мы оказались на одном фронте и в одной армии. Я Вам рассказывала о Ленинанкане, женщина мне написала: «Войдешь в наш дом, как родная». Я обрела какую-то почву под ногами. Потом, однажды, когда мне он [раненый] сказал: «А наши, по-моему, из-под Налъчика выходят из окружения, на осетинские аулы Дунта и Камунта», я влетаю к Николаю Николаевичу Метельскому. Дурная была [улыбается]. И говорю: «Николай Николаевич, папу нашла». «Как нашла?». Я говорю: «Так, так и так». Он говорит: «Я ж не могу тебя никуда посылать». «Ну, я пойду его искать». Мне названы армии, мне названы аулы, куда он может попасть или раненым или каким. Но он отпустил меня. Я иду, ущелья под самое небо, по узенькой тропинке иду. И спрашиваю: «Какой батальон, какой батальон?». И в ауле Галоне [10] меня задержали. Говорят: «Какая-то девчонка ходит и спрашивает, какие части». И значит, меня в политотдел, туда, в армейское начальство. Я захожу, все ему рассказала, как было. Он выругался почему-то крепко, извинился и говорит автоматчику: «Отведите эту девочку назад в Садон».

Назад?

Назад, в Садон. «Это ж сама пошла. Сама! Это надо ум иметь, чтобы самой в неизвестном месте идти папу искать. Надо было подумать!». Ну и, значит, отправил [назад]. И Вы представьте себя, через несколько времени к нам в медсанбат военфельдшер приводит группу больных и раненых из аулов Дунта и Камунта. Я к нему, потому что мне были названы эти населенные пункты. «Ну как же вот, так и так». Он: «Я сейчас иду с партизанами осетинскими в Орджоникидзе (тогда назывался, сейчас – Владикавказ) за медикаментами». Мы же оказались отрезанными, у нас раненых кормить нечем было. Так осетины пригоняли отары нам овец, и мы их на баранине держали, без хлеба.

Всем опротивела эта тогда баранина. Это вкусное мясо, оказывается, было. Ну вот, и я с этим. Он назад вернулся через недельку, пешком же они там все ходили, где ж там в горах [*ездить*]. И говорит: «Ну, пошли». Меня Метельский Николай Николаевич отпустил. Я пошла с ним, и мы через сутки, это нужно 25 километров идти – Садонский перевал, 25 километров высотой там, горный хребет перешагнули. Смотрю – внизу там костры горят. В Садоне мы соблюдали правила маскировки, а там нет. Думаю: «Ага, тут как-то надежней». Спустились туда с этим военфельдшером, он водил меня по каким-то палаткам. Говорил: «Да вот, веду, не знаю, в никуда. Ну, давайте, где у нас сейчас штаб».

Сейчас точно не помню, или в ауле Дунта, или в Камунте я явилась и увидела первый раз саклю. Это удивительное сооружение. Это как-то: земля, земля, земля, вот, очаг и вверху дыра, и вот туда дым поднимается. А там и тепло, и светло, и все нормально оказалось в этой сакле. Но вообще-то мы подсвечивались – из снарядов артиллерийских готовили эти гильзы свободные и делали светильники на ночь для раненых. Ну вот, стала там с ним разговаривать. Да, нашли мы. Значит, ребятки в этой сакле лежат, после наряда пришли отдыхать, а тут девчонку привели какую-то. Конечно, они все поднялись, им интересно. Начали мне на стол баранину выставлять, много поставили, как они называются, котелков с едой. Это смешно было [*смеется*]. И этот замполит со мною или политрук, я уже теперь не помню, там, наверное, есть у меня [*в книге*], не помню. Несколько человек, которых не смогла упомянуть, всю жизнь жалею, которым я обязана. Этому пареньку-автоматчику, он мне сказал первый: «Ты, знаешь, кто ищет, тот всегда найдет». Когда он меня отводил первый раз, как какую-то шпионку, которая спрашивает: где, что. И потом замполит, его не помню. Он говорит: «Знаешь, что?». Я говорю: «Я нашла, выходит отец у Вас». Он говорит: «Ликвидируют завал на Грузинской военной дороге. Но мы сейчас его оттуда отзовем». Сидим мы в сакле, заходит через какое-то время человек. Папка у меня интеллигентный был человек такой, внешне симпатичный. А тут заходит существо черное от костров. Он что-то был то ли сержантом, то ли старшиной, я уже не помню, а может, рядовым. Видите, как невнятно говорю...

Нет, все хорошо слышно.

Дело в том, что сейчас сложно мне. Понимаете, я перешагнула когда 90 лет – ну, как шагнула в другой мир. У меня что-то память отбило, трудно сейчас вспоминать порядок, все это. Я тут на всяких этих пишу. Мы так к раненым своим, как сейчас относятся медики, мы так не относились. Для нас они были – братья, отцы, деды, кто угодно, и мы над ними дрожали в основе своей. А сейчас здравоохранение... Ну, в Адыгее мне жаловаться не следует, потому что ко мне тут определенное отношение, хорошее отношение. Я тут заслужила «Заслуженного работника культуры России», там ордена, медали. Вообще-то моя первая награда была медаль «За боевые заслуги» – это за переправу раненых через Днепр плотами [*разговор о фотографиях*].

Когда отец вошел в саклю, Вы его не узнали сразу?

Нет, я бы его не узнала.

А он Вас узнал?

И меня он не узнал, потому что он уходил, я еще была, оставалась дома.

А как Вы друг друга узнали?

Так вот, слушайте. И вдруг папа заходит. Я встала, так как я его искала. Я говорю: «Папа!». А он не поймет, откуда я здесь взялась, не поймет: «Кто ж теперь с ними остался? Со всей этой оравой? [*плачет*]. – Мама с бабушкой». Немцы заходили: «Матка, млеко, яйки». А она не понимает, что они говорят [*Разговор о фотографиях, в котором участвует сиделка, об изображенных на них людях*].

А с мамой и бабушкой Вы не переписывались?

Ну, как же, все время.

А как Вы их отыскивали? Вы им сразу же написали?

Ну, как только нас освободили, я сразу написала. Мне сказали, что они живы, здоровы – мне самое главное. И я тогда написала, чтобы они помогли семье – в райком партии. Там помогли, потому что семья большая.

Все пережили войну?

Все пережили. Вот это была самая высокая награда [*показывает удостоверение почетного гражданина Шовгеновского района*].

Вы встретились с папой и потом с ним поддерживали отношения?

Мне посоветовал замполит. Говорит: «Знаете, что? Мы в саперные части девушек не принимаем». Я говорю: «Но я боюсь потеряться». «Если в медсанбате Вашем его заберут, заберете его». Мы безо всяких отправим. А он был не военнообязанный, понимаете? Он дал мне адреса, говорит: «Мы по своей части напишем командующему инженерными войсками». По-моему, полковник Голдович [11]. «А они потом организуют, сестры». Мы так и сделали. А полковник Голдович обратился к командующему армией Сергею Семеновичу Бирюзову [12], и он сказал: «Не так часто встречаются на фронте дочь с отцом. Удовлетворить эту просьбу». И, таким образом, началось уже наступление, раненые поступают, и вдруг меня ночью зовут. Заходит солдат-часовой: «Наверное, от твоего папы». Выхожу, папа стоит в своей саперной шинельке и говорит: «А я к тебе». Я говорю: «Как ко мне? Где ты?». Я боялась его снова потерять, я не знала, что там переписка идет такая. А он говорит: «А я совсем. Меня сегодня вызывают в часть и говорят: “У Вас дочка есть на фронте? – Есть. Так вот, мы получили сообщение, – Его пригласили, – что Вы отпускаетесь в медсанбат”». В эвакуопункт, тогда он назывался эвакуопункт 99. «Я совсем».

Ну, все уже знали, что я папу нашла. В медсанбате я уже рассказала. Там «на ура»: давайте его сюда. Его привели, худющего, скорченного, грязного, от костров прожаренного до костей. Ну, я пошла. Бэлла Мироновна Мазуровская – еврейка, очень хороший человек, она тоже меня «дочкой» не по уставу называла часто: «А ну-ка, сюда иди, доченька». Почему-то любила со мной разговаривать. Ну и она говорит: «Мы еще недельку, пока раненых всех в Баку не переправим, не можем уезжать. Поэтому, давай, найди квартиру в ауле Садоне, и мы папу туда определим, ты будешь с ним вместе. Покормим его, отмоем, приведем в порядок». Он был математиком, историком, ну и директором школы. Учитель. И вот, таким образом, его осетинская семья [*приняла*], хотя по законам шариата никак не дозволено было мужчину вводить в дом. Ну, какой там мужчина, кожа да кости!

Я привела папу. Вот, повара Миськова я запомнила. Я стала еду носить в котелках домой, папу подкармливать. И немножко начала сразу худеть, потому что я папе не говорила, что я и свою порцию туда. Он: «А ну-ка, иди, сюда», – повар Миськов. Спасибо им всем [*плачет*]. Говорит: «Слушай, а чего ты так худеешь? Давай, садись при мне ешь, а потом отнесешь отцу». Совестно [*улыбается*], но я таким образом [*поступала*]. Но папу мы привели в чувство. И так, как он был математик, и то, се, он стал заведующим пищевым складом в этом эвакуопункте, и дела пошли у него хорошо.

А потом эпопея была еще. Я же Вам говорила: искали меня, вернее, искали человека в политотдел армии с красивым почерком. Меня по этому принципу туда забрали, в отдел кадров за полгода до окончания войны. По должности я была старшим лейтенантом. Я была зав. секретным отделом отдела кадров политотдела армии. Но они так ребята говорили: «Вы-то у нас еще мало». Но у меня уже был кандидатский билет. Мы, как только остановимся, сейчас наступление. Я Вам так скажу: два-три квартала идет бой, раненые идут, вот такие все и нас простреливают все эти улицы насквозь немцы [*показывает удостоверение члена Союза журналистов СССР – России, рассказывает об организации его отделения в Адыгее, участии в работе съезда в качестве делегата*]. Я Вам скажу: что то, что мама и вся семья остались живы-здоровы в семье, что у меня так вот пошла карьера, я вообще не жалею, что у меня был такой замечательный муж. Журналистом он сделал меня, заставлял меня писать. Говорил, что я как-то владела словом: ну-ка, давай, давай...

Почему у меня здесь ветка сирени [*имеет в виду название изданной книги*]? Почему я назвала «Ветка сирени»? Я должна сокращаться, видите, у меня путаница в мозгах. Я, значит, была, как Вам это сказать – в Болгарии, в Софии мы тогда стояли. Румыния, Болгария, София. В Софии меня забрали в отдел кадров политотдела армии. И говорят: «Но мы займемся Вами, на место придем». Мы должны были идти в Чехословакию, а там наши союзники Англия и Америка открыли второй фронт, но каким-то образом послали свои войска через Северную Африку и Арденны итальянские вот сюда, к нам. Мы попали там в окружение. Иногда в квартале, иногда в двух кварталах шел бой. Раненые приходили, и наши лежат пластами, а наверху тучи, вороньи тучи бомбардировщиков и бомбят! Но мы уже так знали: если над тобой падает бомба, знай, что ее бояться нечего, она упадет в 3–4 километрах от тебя. Поэтому в окопы не лезли. А если откуда-то – то приходилось в окопы. В первую очередь, конечно, раненых прятали. На Кубани мы в жестокие бои попали.

Потом на Украине, когда через Днепр шли [*приход сына, рассказ о нем*]... Так вот, и папа оказался у нас, и мы уже его забрали. А где же я его забрала? В Садоне и забрала, в Осетии, папу к нам, а потом он там остался в медсанбате, а меня забрали в политотдел армии.

А Павел Ефимович знал, что Вас забрали в политотдел армии?

Все знал. Более того, я очень жалею это письмо. У мамы сохранилось Павликово первое письмо к ним, где он пишет: «Дорогие папа и мама».

Вы уже были женаты тогда?

Нет. Говорит: «Дорогие мама и папа, так и так, Ваша Надя сирота». У меня была еще одна сиделка, она помнит это письмо, зачитывала [*приход невестки, разговор о сложных внутрисемейных отношениях и показ фотографий*].

Надежда Федоровна, а когда Вы вышли замуж?

Вот, когда мне пришлось выступать. Как пришлось? Я ж Вам говорю, меня всегда выносило на какую-то волну. Когда мы в Софию пришли все, в 7 утра 9 мая меня вызвал к себе начальник политотдела армии Борис Семенович Мельников и говорит: «Сегодня в девять, – это через два часа! – будет летучий митинг, Вы выступаете от имени фронтовых девчат». Я, откровенно говоря, обиделась внутри, но там же нельзя обижаться. Думаю: что они меня трогают? Что значит за два часа выступить на таком ответственном митинге! Не скажешь: я на Вас обижаюсь и не хочу. Там же не позволено, не дозволено у нас было. Поэтому пошла, села и начала набрасывать себе. Да, вот, видите, я опустила этот момент, когда я, когда Павлика попросили посмотреть мой литмонтаж и...

Он одобрил его?

Он одобрил его, сказал: «Мне здесь делать нечего». Выходит, принял то, что я написала. Приходилось выступить там. И вот, я иду по этому проходу к папе под аплодисменты и раненых, и моих однополчан. А кто-то сзади на меня налетает, обнимает, целует в затылок, то, се. Я повернулась: ой, что такое, в чем дело? А Бэлла Мироновна Мазуровская, начмед, кричит: «Наденька, не волнуйся! Он поэт, ему можно».

Это был Павел Ефимович?

Это был Павел Ефимович. Почти ни один номер газеты «Советский патриот» не выходил без его стихов. Я думаю: Боже мой! И все. И уехал, и все. А потом, когда меня в политотдел армии забрали, а газетчики были там, там же, и мы стали уже встречаться, обедать там, ужины, завтраки. Подойдет, строит из себя такого меня знающего. Думаю: Боже мой, человек как-то странно ведет себя, капитан. Я солдат, как была, так и есть солдат.

Но Вы понимали, что он за Вами ухаживает?

Да, но мне как-то не верилось... Как Вам [*сказать*], не понимала его. Не понимала, столько девчат было – и красивых, и умных, и в званиях и все [*показывает фотографии*].

А это кто в центре, Николай Николаевич?

А это – Рейтузов [13] – замкомандующего, он приехал к нам с Павликом. Дело в том, что он приехал к нам через год после рождения [*сына*]...

Это уже послевоенная фотография?

Послевоенная, поэтому, так, как мы хотели надеть военную форму, а то сразу гражданские оказались. Это в политотделе армии...

Где Вы фотографировались? Портрет Сталина...

Это у нас в квартире, в Софии. Коля родился в Софии.

Так, когда же Вы вышли замуж? В 1945 году?

В 1945 году. Он же так сказал...

Война закончится...

Да. Так вот, когда я сходила, после, я выступила и вдруг слышу, кто-то меня обнял. Поворачиваюсь, командующий стоит в бирюзовом костюме, весь в орденах. Думаю: «Боже!». Он: «Ну, что солдатик, – а в глазах полно слез и говорит, – Надо Вас сегодня на гауптвахту отослать». Гауптвахта – это наказание.

А за что?

А я не знаю, за что. Мало ли за что, за какую-то провинность. Находили, туда помещали за нарушение дисциплины. «Но не волнуйся, я сегодня добрый. Скажи, что ты хочешь?».

Вы еще не рассказали, за что.

За то, что заставила их всех плакать. Но это потом. Я не знаю, почему. Наверное, потому что сама плакала. Он говорит: «Скажи, чего ты хочешь, и я выполню любое твое...»

Желание...

Желание [*разговор с сиделкой, которая ищет фотографии*].

И с какой просьбой Вы обратились к командующему?

Вот, видите [*о своей фронтовой фотографии*]. Ничего была девчонка, я считала себя воробушком. Значит, да. «Так, скажите, что Вы хотите». А я растерялась, я не ожидала, во-первых, командующий. А он говорит: «Любую твою просьбу выполним». А я говорю, так сложила руки: «Сегодня же Победа, чего еще больше? Мы с папой дома будем. Папу везу же домой, и дома все живы». А он: «Ладно, я сам». И подумайте, когда уже наши поезда отправлялись в Старую Руссу, он с адъютантом прислал путевку в санаторий мне, в «Царскую Борисову Градину», там размешался офицерский состав. И вот меня туда, отдыхать. Очень бледненькая, худенькая, пусть она немножко придет в себя. И потом я была в выцветшей гимнастерке, которая сзади была заштопана, он на это обратил внимание. Через день меня вызвал начальник политотдела Аркадий Леонтьевич Попринский и говорит: «В чем же дело? Почему ты нам не сказала». А я: «Я что я скажу? Вы меня сюда вызываете, а я что скажу?». И меня послали в какую-то швейную мастерскую. Там мне, я хотела что-то цвета хаки костюм, зеленоватый, а он коричневый. И значит, какая-то шерсть, и сшили мне там этот костюмчик, и я уже в нем долго ездила, долго в нем ходила.

Такой был Сергей Семенович [*Бирюзов*], и когда он летел в Югославию, его самолет врезался, туман был, врезался в скалу, и он погиб. А с Борисом Семеновичем Мельниковым мы переписывались долго. Он в Москве жил и, по-моему, там и умер. Ну, так. Вот там, когда я сходила с трибуны, вот тут появляется Павлик – вот с такой охапкой сирени, сирени. Она еще вся была наполнена росой утренней. И так мне. А он тогда был заместителем начальника Дома офицеров софийского гарнизона. И его отправляли в Пловдив за петардами осветительными, ракетами, чего мы не знали, как это и что. Он сунул мне эту охапку цветов, и я вся вот так с ног до головы была в воде. «Черт, – про себя думаю. – Ненормальный какой-то». А он: «Надька, война закончилась! Ну, давай, разговаривать». Как-то больше так настойчиво, никто не ухаживал. И...

Вы согласились?

Согласилась. «Оформляй и все. Документы потом» [*рассказ сиделки о воспоминаниях Н.Ф. Резниковой о войне*].

Какое самое яркое впечатление о войне у Вас осталось? Что Вы запомнили больше всего, никогда не забудете?

День Победы, конечно.

День Победы – да.

И встречу с папой. Это было самое...

А как Вы потом встретились? Вы же ушли в отдел кадров политотдела армии, а папа остался в медсанбате.

Командующий сказал: «Не так часто встречаются на фронте дочь и отец». Папа еле ходил...

И Вы вместе поехали домой или оставались в Болгарии с мужем?

Я его забрала к себе в медсанбат. Мы с ним почти год вместе пробыли, он у меня потом стал в другом положении в полку, завкладом пищевым или еще чем, я к нему мало заходила, чтобы не было никаких разговоров. Это в нашей было манере. Вот, а меня же в политотдел забрали. Но иногда ребята говорят: ну, нос повесила, по папе соскучилась. Подбери там кое-какие дела и давай на недельку к папе. Прихожу к папе, чуть свет поезд в Варну приходит, захожу к нему. Вернее, стучу, он выходит: «Ты знаешь, дочка, а я знал, что ты сегодня приедешь. Я сегодня вышел, а мне на плечо села ласточка. Ну, думаю, значит, Надя приедет и ты приехала».

Надежда Федоровна, уточните, где он был, когда Вы к нему приезжали?

В Варне, в Болгарии. Мы Румынию прошли, Болгарию, но меня-то потом забрали в политотдел в Болгарии. Тут мы вместе были с ним, год. И тоже как бомбежки начинались, а у нас же было такое, что раз МТФ с белым флагом, какая-нибудь молочно-товарная ферма сохранившаяся, мы ее приведем в порядок, но [*обязательно вывесим*] белый флаг с

красным крестом. Была такая мировая практика, что под красным крестом человек находится – то все, нельзя трогать. И вот мы вывешивали такой флаг. И когда нас все-таки какой-то фашист разыскал и начал бомбить, а крыша была то ли камышовая, то ли соломенная, не помню, то мы еще по ночам вставали и щипцами сбрасывали зажигалки. Они бросали зажигалки и загорались... Дайте мне водички, пожалуйста [*Сильно кашляет*].

Вам, наверное, уже тяжело разговаривать.

Ничего, ничего [*показывает семейные фотографии, рассказывает о работе в Адыгейском областном радиокомитете, о картине с изображением Сталина, потрясшей ее воображение*].

Последний вопрос, может, Вас удивит. Частная жизнь была у человека на войне? Вот у Вас был папа – значит, и семейная жизнь во время войны могла существовать?

Нет, по-моему. Дело в том, что среди наших – только семья была так, как я...

Это редкость была большая.

Это редкость была большая. Говорят, что Бирюзов у них – нет, вот Рейтузов – они были с семьями.

А это были семьи довоенные или во время войны созданные?

Нет, это, по-моему, довоенные.

Эти семьи прямо ездили с ними?

Ездили, я так понимала вроде бы, хотя близко я никого не знала.

Но это все-таки семьи начальства.

Это семьи начальства, а я солдат. Да еще солдат, который просто вырывает и больше ничего. И ничего не требует, мне требовать нечего.

А Вы не вели дневников? Дневник на войне сами не писали?

Да, вот в том-то и дело. Как я запомнила? Я молодец. Я знаете, за что я себя хвалю? Что, дожив до 90 лет, я ничего так, все помнила. В порядке вещей не путалась.

Но записей не делали? Не писали дневник?

Никаких.

Все в памяти держали.

И что удивительно, людей я позапомнила. Все мне писали мои потом однополчане. Я купила их 100 штук [*о своей книжке*], разослала своим однополчанам. Они: «Боже мой, Надька, как ты их всех запомнила!». Понимаете, не знаю почему.

А письма Вы кому писали? Домой писали?

Писала.

А еще кому-нибудь? Может, одноклассникам? Другьям, подругам?

Нет. Мы же отрезаны были. Домой уже после войны. Не после войны, а уже заканчивалась война, писала из Болгарии, Румынии домой, что там-то, там-то, скоро будем дома. Я считаю, что самая святая награда, [*связанная*] с войной, что все остались наши живы. Мы с папой остались живы. Брат был ранен. Он здесь, стал известным писателем, Юрий Крючков.

Юрий Федорович Крючков.

Да, это мой брат родной, единственный. Он всегда говорил: «Семь девок, один я». Нас было семь девчат, а теперь осталось трое нас. Вот так. Извините за такой сумбур.

Вам военную форму уже в медсанбате выдали? К гимнастерке, сапогам легко привыкли? А что именно выдали: шаровары или юбку?

Нет, юбку.

Юбку дали уже в 1942 году? Вы, наверное, отступали сначала в гражданской одежде? А форму где дали, уже в Осетии?

Остановились в Алагире, в Осетии...

Тогда получили...

А тут мы ехали, отступали...

Вы в гражданском все это время шли?

Да.

И форму в Осетии дали?

Да.

У Вас косы на фотографии видны.

Такая смешная я девчонка была.

Вам разрешали иметь косы? Обычно женщины на фронте коротко стригли волосы.

А вот почему-то разрешали. Мне и еще одной дивчине, моей самой важной подруге Ирине Пахлюониной. И у меня все было после войны – из Киева приезжали, из Нальчика приезжали.

И Вам разрешали косы носить?

И нам позволяли, почему – не знаю [*Рассказ о казни предателя, на которой она присутствовала*].

Это где было?

Здесь, я Вам скажу: станица Мингрельская.

Это же на Кубани.

На Кубани, да. Это было, когда мы наступали.

Это, наверное, летом или осенью 1943 года?

Летом, наверное. И когда я сидела с ранеными [*на суде*], вместе с селянами, он был старостой у немцев. Когда мы вошли, я же не знаю этого точно, его застали за передатчиком, он связывался со своими частями. Он был шпионом, оказывается, каким-то. И значит, передавал, какие части вошли, какие медсанбаты, где стоят – все, все передавал и его с этим поймали. Его судил ревтрибунал [14]. Вызывает меня начальник медицинской части и говорит: «Поедешь с делегацией нашей». Я: «Ну, ради Бога, ну не надо, не могу». Нет. Поехали. Я запомнила фамилию этого человека – Яков Дзюба. И вот, значит, был ревтрибунал, сидели гражданские и наши раненые. Я не могла слушать, когда его привели под конвоем, он на колени встал перед трибуналом. Я не могла на это смотреть, а ребята говорят: «Правильно, на это ты не можешь смотреть. А как медсанбат твой предал, наверное, где стоял». Нас бомбили сильно. «А посмотреть, как предателя казнят, ты не хочешь». Это меня вернуло в какую-то такую форму, и я сидела до конца. А потом вышли мингрельские [*неразб.*]. Я не знаю, где этот пункт был, не помню. И, значит, стояла виселица, и значит, подкатила машина. Солдаты наши были в масках, вот так стояли буквой «П», его высадили. Я видела, как его подвели, он артачился и не хотел на виселицу. Его повесили. Помню, как он задергался, но уже по сути дела не было. Мне тяжело было на это смотреть. А когда я приехала, это все не дозволялось рассказывать. Я так думаю. И поэтому, когда меня попросили в нашу стенную газету написать, я написала в нашу такую армейскую, т.е. медсанбатовскую. Весь этот процесс, каким я его видела, как я его воспринимала. И тогда Бэтси [15] ко мне подошла, обняла и сказала: «Спасибо, теперь я знаю, за что его казнили». Вот так она сказала.

Спасибо, Надежда Федоровна.

Примечания:

1. В настоящее время – газета «Целинские ведомости».
2. В настоящее время административный центр Ирафского района Республики Северной Осетии-Алании.
3. В настоящее время поселок Алагирского района Республики Северной Осетии-Алании.
4. В настоящее время носит название Гюмри – второй по величине город Армении.
5. Высокогорные аулы в Дигории, в настоящее время – в Ирафском районе Республики Северной Осетии-Алании.
6. Генерал-майор (с января 1942 г. – генерал-лейтенант) А.А. Власов командовал 37-й армией в июле-сентябре 1941 г., а с ноября 1941 г. по март 1942 г. – 20-й армией. Затем был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Попав в плен, возглавил Русскую освободительную армию и Комитет освобождения народов России, став самым высокопоставленным советским военачальником, перешедшим на сторону противника. В 1946 г. казнен по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.
7. Начальник медицинской части госпиталя.
8. Начальник санитарной школы.

9. В настоящее время – аул Хакуринохабль, административный центр Шовгеновского района Республики Адыгея. Является родиной адыгейского поэта, Героя Советского Союза Х.Б. Андрухаева, подвигу которого был посвящен очерк Н.Ф. Резниковой.

10. В настоящее время поселок Алагирского района Республики Северной Осетии-Алании.

11. Полковник Александр Иванович Голдович – начальник инженерной службы 37-й армии в 1941–1942 гг.

12. Генерал-полковник С.С. Бирюзов командовал 37-й армией с октября 1944 г. до конца Великой Отечественной войны. С июля 1942 г. по май 1943 г. 37-й армией командовал генерал-майор П.М. Козлов.

13. Не удалось идентифицировать.

14. Военный трибунал.

15. Бэлла Мироновна Мазуровская.

УДК 929/947.0

Интервью с Надеждой Федоровной Резниковой

Проведение интервью, подготовка к публикации:

¹ Евгений Федорович Кринко

² Татьяна Павловна Хлынина

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Интервью с Надеждой Федоровной Резниковой было посвящено вопросам ее военной биографии и частной жизни в годы Великой Отечественной войны. На фронте она встретила с отцом и будущим мужем.

Ключевые слова: Н.Ф. Резникова; Великая Отечественная война; семейная история; частная жизнь.